



Радость изумительно женственна, потому что женщина сопровождает человека от рождения до смерти...

Наталья ТРОЯНЦЕВА

СЕМЬ ЦВЕТОВ РАДОСТИ

Радость! Есть ли состояние восхитительнее? Есть ли излучение обаятельнее? Радость, радость, радостная радость! Счастье со-Бытия.

Радость изумительно женственна, потому что женщина сопровождает человека от рождения до смерти. Женщина воссоздает свое подобие, дочку, новую прекрасную женщину. Женщина рождает сына, трогательное счастье, растит, и дает ему главный жизненный ориентир, отпуская. Но прежде – избирает возлюбленного и возвышает его в собственных глазах, наделяя возможностью счастливого отцовства. И поддерживает мужчину, и - мальчика, и - мужа, позволяя ему быть тем или другим в разном душевном состоянии, одаривая его безраздельной полнотой радостного.

В женских стихотворных подборках я ишу и нахожу эту радость. Созидательная сила, чуть заметно поигрывая творческими мышцами, с юной отвагой бросается в символы Вечности в стихотворении [АНФИСЫ ЮРЬЕВОЙ](#). Только там ей – просторно, только там – органичная ее жизненной мощи гармония хохочет, танцует и «прыгает до небес». В этом творении прелестная женщина подмигивает Гере, богине, всевластной супруге всемогущего Зевса. А живет – здесь и сейчас, и – там и тогда, то – в Древнем Египте, то

– в античной Греции или в Ершалаиме эпохи Христа, – из его прекрасного и свободного далека машет рукой статуе Свободы. Автор соотносит себя с величием мироздания, по-женски ему, мирозданию, покровительствуя.

Валуны и меценат

Кто вы, камушки-изгои?
Ваш куда девался вес?
Вы из Гизы или Трои,
Иль без вас стоит Эфес?

Может, сила молодая,
Встав из камня в полный рост,
Наземь бросилась, играя,
Раздробив свой мощный торс?

Иль колонною земною
Видел вас в жилище бек,
Но как брак с седой слюдою
Вас здесь бросили навек?

Встану я на ваше место.
Наберу колоссный вес...
И огромная невеста
Будет прыгать до небес.

Першерону – сверхкобыле --
Камни Трои брошу в воз!
Сфинксу Гизы – буду в силе –
Валуном поправлю нос!

Память генная природы –
Камень чую, как бока:
В каждом - статуя «Свободы»
Иль, как пух, Христа рука!

А вот тут, у [ТАТЬЯНЫ ЦОЙ](#) – другой формат нарастающей радости. Божественная Гестия украшает очаг прекрасными метафорами настоящего, которое хранится в счастливых тайниках памяти и выскакивает в восторг реальности, в понимание того, «как сыплют боги крошки облаков» - вдруг, в один прекрасный час метельного февральского града. И снова – ощущение всемогущества, достоверной и доступной власти над временем, живая и зримая сопричастность первоначальному.

Послеградовое

Бросив куртку у камина,
В радость февралю
Тонкий аромат жасмина
Я себе налью.
Погляжу на поединок
Снега и огня,
Образ круглых чудо-льдинок
В памяти храня.
Птичьим взглядом недотроги
Посмотрю в окно,
Как на землю сыплют боги
Белое пшено.
Мне бы выпорхнуть из клетки,
Полететь туда,
Где целуются в беседке
Юные года.
А сейчас, согревшись чаем,
Вопреки судьбе
Снова убегу босая
От себя к тебе.
Ты в дверях меня обнимешь
Нежно, как всегда,
Разрушая строгий имидж
Королевы льда.
Я растаю на пороге,
Вырвусь из оков
И пойму, как сыплют боги
Крошки облаков.

И совсем иная, ни на одну ни похожая,но сразу ко всем божествам тяготеющая, героиня
[МАРИНЫ ЧИРКОВОЙ](#)

. Соната новолуния на чутком инструменте трогательно сладкого одиночества.
Драгоценное одиночество же в ракурсе неба и моря. Неистовое и трудное удвоение,
стремление раздвоить, разделить себя надвое, поделиться половинкой с тем, кому
суждено стать любимым. И – попытка его воплощения. Тут – радость еще не осознанная,
вернее, пока неощутимая, скорее, полномасштабная готовность эту радость
воспринимать – самой себя стесняющаяся, укрывшаяся в словесную праоснову: «... лава
внутри хр[уст]аля и не тронь» ...

Прозрачны...

1.

А вот: налегке-отвлекаясь-хотя-бы –
когда холодок или смотришь насквозь,

я вдруг представляю что это сентябрь,
прозрачный и утренний, тонкая кость:

...в чуть ро[зов]ом платье, ласкающем спину,
ско[льзя]щем и с чёрною лентой-змеей...
Но я понимаю едва половину
из букв иц июня в н[очи] надо мной,
а сколько ещё их найти, обнимая, —
ладонь как зрачок и зрачок как ладонь!..
И лента по полу...а впрочем, не злая...
(а лава внутри хр[уст]аля и не тронь)

2.

Всё — дольше... Всё — дальше...
Беднее и проще земля.
А небо — как раньше:
Из золота и хрусталя.

Всё — резче... Всё — реже...
Острее винты корабля.
А море — как прежде!
Из золота и хрусталя!

Всё — ложно. Всё — можно.
Случайности, прихоти для.
А сердце — всё то же.
Из золота и — хрусталя...

3.

у огня —
острые края.
лучше не трогай.
иди своей дорогой.

от воды —
холодные следы.
глубоко не лезь.
по краешку, здесь.

мутный горизонт.
ушёл чёрный зонт.
остались вдвоём
костёр под дождём.
утонем? сгорим?

дым...

4.

Прозрачны твои колени,
Стеклянны твои шаги.
Тату полуденной тени.
Зрачки полноточной реки.

И ты ещё раньше знала,
Кем стану тебе (позволь):
И вкус моих губ был – алый,
А цвет – карамель и соль...

Новой эпохе – новые богини. И прежние Вечные ценности. Аэлита, игра воображения Александра Беляева, которой суждено пройти путем Деметры и произвести на свет дитя –предстает нам в стихотворении [АЛЕНА ЗАКАБЛУКОВСКАЯ](#) . Бог посмеивается надсамонадеянностью ученых, исповедующих веру в прогресс, и хранит «беременных во всякую минуту» ныне, присно и вовеки. И проливает благодать прекрасного Хаоса на тех, кому так хочется назвать Бесконечное Космосом. Радость тут переливается через край, как чудесное молоко мироздания.

Батискаф

Едва касаясь темени и животов раздутых,
Храни Господь беременных во всякую минуту.
Чего им там отмерено от взмаха и до взмаха?
Дитя глядит растерянно на мир из батискафа –
Снуют повсюду граждане, шуршат под облаками,
Не замечают, важные, того, кто вверх ногами
Плывёт в толпе изменчивой. И день исходит светом
Над маленькой застенчивой беременной планетой.

Иной раз очень хочется высказать радость от имени и по поручению мужчины, второй половины своей. И обратиться к сыну, другому сообща сотворенному мужчине.

[КЛАВДИЯ СМЕРЯГИНА-ДМИТРИЕВА](#)

просто и проникновенно повествует о непреложно неразрывной связи отца и сына, Отца и Сына, или - Одиссея и Телемака, влагая свои суждения в уста отца, Одиссея, Отца Небесного. То есть пишет вроде бы о радости самопонимания, а получается – вечное.

Отцы и дети

Ты и кровь моя, и моя плоть.
Так откуда же это в тебе, малыш?

Я - умею пахать и дрова колоть,
ты – творишь.
Ты из щепок леса, что я рублю,
подзаборного сора, овечьих жил
придаёшь очертания кораблю,
чтобы жил,
чтобы вдаль унёс, покоряя высь...

Я не вижу, сынок, твоего лица.
Оглянись, ну пожалуйста, оглянись
на отца.

Радость мгновения. Время, когда все натруженное и нагруженное внезапно теряется из вида и ощущения, а сильное, яркое впечатление заполняет от макушки до пят. [ЛАРИСА ПОДИСТОВА](#)

манит, влечет прикоснуться к радости сопереживания в прямом пространстве хтонической многорукой Кали и новенького многомудрого Будды. В этом стихотворении «истина нам раскрывается, словно связанный чайный цветок», свидетельствуя о безграничном разнообразии Прекрасного.

* * *

О, этот пряный, чарующий запах!
О, этот сладкий восторг!
Разума сразу лишается Запад,
Если приходит Восток.
Исподволь, крадучись, краешком, кротко –
Музыкой, дымкой извне
Насквозь пропитаны перегородки,
Заняты бреши в стене.
Вкрадчивый ирбис, жасминная фея,
Змейка в излуках земли...
Песней лавандовой, гимном кофейным
Сняты в ночи патрули.
Вот и ворота распахнуты, будто
Мозг не хозяин рукам...
Вслед улыбаются медные будды
Сдавшим свой кров чужакам.
Заворожённые, те поголовно
Делают что-то не то.
Истина им раскрывается, словно
Связанный чайный цветок, –
Нежно, заманчиво, тихую сапой,
Сокам земли в унисон.
О, этот пряный, чарующий запах...

О, этот сумрачный сон...

А это – второе имя Радости. «Я про счастье, мой друг», тихо и ясно произносит [НИНА ЗЛАКАЗОВА](#)

. И одним взмахом крыла втягивает нас в пространство своего сердца. А там – свет, а там – цвет, и танец, и звук, и жест вечной надежды. И Землю во всей ее неохватности, и Небо во всем безграничном обещании счастья способно вместить женское сердце. Разве только женское?

Я про счастье, мой друг

Объяснить невозможно — иду и несу своё счастье
серой улицей вдоль канала, мимо каменных львов...
сырость, промокшая обувь, посмотришь вокруг - никого,
кто бы в милую эту погоду по городу шастал.

Я про счастье, мой друг!
ты поймешь очень скоро:
только счастье останется - навсегда, как звезда,
или очень надолго... пусть сумерки льнут к глазам,
быть иначе не может!..
голубоокий осколок
неба Божьего на разноцветной земле... всё пройдет,
но останется мокрый блеск фонарей и каналов,
повороты ступеней к воде - ты что-то сказала?... -
отзвук синего голоса
превратится в прозрачный лёд...

Одинокая, верная ночь, ты любимейшая из спутниц!
В чёрных водах канала, в улыбке танцующих линий
столько ясных огней, драгоценных щедрот ювелирных.
Улыбается счастливо ночь:
то ли будет еще, то ли будет...

«Только счастье останется - навсегда, как звезда». Потому что женщина права в ощущении собственной божественной исключительности. Ею вам, мужчины, предстоит любоваться, в ней непрерывно раскрывать самого себя. Только так вы идентифицируете собственную божественную суть. И вам легко станет делиться с остальными чувством радостной свободы!

Любовь движет миром, и человек — ее источник и воплощение. Великие творения одухотворены великой любовью. Всевышний творит судьбы любящих, только перед Ним они ответственны, только Ему посвящают все усилия собственного созидания. И обретают свободу духа, и наслаждаются телесным совершенством, а душевный покой, придавая глубокой мысли ясность и твердость, умножает прекрасную безмятежность

о духотворенного бытия. И утверждает РАДОСТЬ.